

И. Н У С И Н О В

„Русская культура и Франция“

(«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» № 31—32)

Осенью 1903 года Золя выступил на франко-русском банкете в Париже с приветствием в честь русской печати и русской литературы. «Литературное наследство» приводит его слова:

«Посланцами мира и предвестниками прочных союзов служат произведения великих писателей, которыми обмениваются народы». На интеллектуальный конгресс, который установил творческий союз между двумя великими народами — французским и русским, французская литература отправила в качестве послов Бальзака и Гюго, а русская литература ответила на это присылкою своих — Тургенева, Достоевского, Толстого... Литература... первая потрудились над делом братства двух стран. Делу этому, господа, следует даже придать больший размах. Выше союза между двумя народами стоит союз между всеми народами. Это, пожалуй, мечта, но отчего же не мечтать об этом? Отчего не надеяться, что в этом-то и заключается ныне стремление добрых чувств человека, и отчего не поручить выполнение этого дела писателям, мощный голос которых перелетает от одной нации к другой, находя отклик во всех сердцах и сплачивая все страждущее человечество в одну семью?» (стр. 966).

Демонстрацией того, как французская и русская литература «первые потрудились над делом братства двух стран» и тем содействовали «союзу между всеми народами», является недавно вышедший том «Литературного наследства», посвященный взаимоотношениям французской и русской литературы.

Прекрасно изданный, богато иллюстрированный — в томе триста сорок четыре иллюстрации — двойной номер «Литературного наследства» содержит огромный, разнообразный и очень ценный материал, в том числе и ряд больших исследований, посвященных взаимоотношениям французской и русской литературы.

В центре этого большого коллективного труда две проблемы: гений французского народа в России, гений русского народа и французская культура.

Первой проблеме посвящены исследования Леонида Гроссмана «Бальзак в России», М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские

знакомства», С. Дурюлина «Александр Дюма (отец) и Россия», как и ряд публикаций: «Письма Жана Ришпена к М. А. Загуляеву (сообщение Т. Грица), «Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами» (публикация М. Клемана), «Неизданные тексты Гюго» (публикация мадам Сесиль Добре).

Второй проблеме посвящены исследования Б. Томашевского «Пушкин и французская литература», М. Чистяковой «Лев Толстой и Франция», профессора Андре Мазона «Князь Элим», В. Нечаевой и С. Дурюлина «П. А. Вяземский и Франция», «Неизданные письма И. С. Тургенева к дю Кану, Флоберу и Э. де Гонкуру» (вступительные статьи профессора Андре Мазона. Публикация и примечания М. Горлина), Ф. И. Тютчева «О французских политических событиях 1870—1873 гг.» (сообщение К. Пигарева) и М. Клемана «И. С. Тургенев и Проспер Меримэ».

Большая, занимающая свыше двухсот страниц монография Леонида Гроссмана «Бальзак в России» построена на огромном, тщательно изученном материале. Автор документально проследил отъезд Бальзака в Россию; его пребывание в Петербурге, в Киеве, в украинской провинции, возвращение в Париж в 1848 году, вторичный приезд в Россию. Он описал все перипетии взаимоотношений Бальзака с Эвелиной Ганской, женитьбу и смерть Бальзака.

Он обследовал и материалы, касающиеся взаимоотношений Бальзака и русской литературы.

В работе Леонида Гроссмана много интересного и поучительного материала. Однако она страдает одним существенным недостатком:

Примерно девять десятых работы посвящены теме Бальзак и Эвелина Ганская и лишь одна десятая основной проблеме — взаимоотношениям Бальзака и русской культуры. Если факты пребывания Бальзака в России описаны с достаточной полнотой и тщательностью, то проблема творческого общения Бальзака с нашей страной едва намечена. Заключительная, восьмая глава «Бальзак и наша страна» является скорее перечнем ряда фактов, чем исследованием сложной проблемы отношения Бальзака к России, его влияния на русскую литературу и той оценки,

которую творчество Бальзака встретило у русских писателей и у русского читателя, начиная с первых дней появления книг Бальзака в России и до наших дней, когда Бальзак стал одним из наиболее любимых писателей советского читателя.

О том, как схематично разработан вопрос о творческих взаимоотношениях Бальзака и русской литературы, можно судить хотя бы по следующим примерам. Тема Гоголь и Бальзак исчерпывается фразой:

«Знаменитое место «Шинели» Гоголя — насмешки чиновников над Акакием Акакиевичем — сильно напоминает сцену издевательств над стариком Горио. Вообще вопрос об отношении Гоголя к Бальзаку, представляющий ряд интересных материалов (например, бюрократический мир в «Чиновниках» Бальзака и в «Мертвых душах»), до сих пор еще не поставлен в нашей исследовательской литературе» (стр. 322).

Вопросу Бальзак и Толстой уделены строчки:

«В дневниках и письмах Льва Толстого встречается ряд упоминаний о Бальзаке, иногда критических и даже отрицательных, в ряде случаев — восторженных. В Париже 16/28 февраля 1857 года Толстой записывает в своем дневнике: «Читал «Hooogine». Талант огромный». Во второй редакции «Детства» имеется обстоятельная критика описания Пятой симфонии Бетховена в «César Viotteau». Толстой возражает против метафор и образов Бальзака (ангелы, дворцы, фонтаны), бессильных передать впечатление от музыки. В письме к С. А. Толстой от 9 апреля 1882 года из Ясной Поляны в Москву Толстой пишет: «Взял я с собой Бальзака и с удовольствием читаю в свободные минуты» (стр. 326).

Точно так же Леонид Гроссман ограничивается лишь несколькими строчками, говоря о том, почему Белинский, вначале столь высоко ценивший Бальзака, впоследствии стал столь же резко критиковать его.

С большой обстоятельностью Б. Томашевский обследовал вопрос «Пушкин и французская литература». Здесь широко обрисованы литературные интересы Пушкина, его исключительное знание и понимание французской литературы на самых различных этапах ее исторического развития. Б. Томашевский правильно отмечает, что «неразделим интерес Пушкина к французской прозе от интереса ко всей французской жизни и культуре. Едва ли историки и публицисты Франции играли меньшую роль, чем поэты и романисты, в формировании сознания Пушкина, включая

сюда и его литературно творческое сознание. Эта тема, лежащая за пределами настоящего обзора, требует особой разработки, и, несомненно, исследование вопроса, чем Пушкин обязан французским политическим писателям, позволило бы многое расшифровать в литературном творчестве Пушкина. Необходимо помнить, что его восприятие жизни было интегральным и в своем творчестве он не замыкался от впечатлений всего многообразия культурной жизни» (стр. 73).

Однако, как и Леонид Гроссман, Б. Томашевский придает непомерно большое значение влиянию французских писателей на Пушкина, его учебе у французских писателей. Механический подход к этому вопросу заставляет Б. Томашевского прийти к совершенно ошибочному выводу, что только «начиная с 1830 года... Пушкин чувствует себя окончательно освободившимся от всякой подражательности иностранным образцам; с прямым ученичеством он покончил значительно раньше — еще около 1820 года» (стр. 15).

Выходит, что «Борис Годунов» (1825), «Полтава» (1828), сцены из «Фауста» (1825), «Евгений Онегин», написанный в основном до 1830 года, да и вся лирика Пушкина, созданная до 1830 года, — все это является в значительной степени еще продуктом «подражательности иностранным образцам».

Механистические поиски «влияния» приводят иной раз Б. Томашевского к весьма странному «открытию». Он пишет:

«Анализ показывает, что в прозаических отрывках Пушкина, являющихся как бы лабораторными опытами большого романа из жизни русского общества, имеется немало фразеологических совпадений с Бальзаком. Не все совпадения достаточно отчетливы, чтобы с несомненностью констатировать зависимость Пушкина от Бальзака, но некоторые как будто свидетельствуют о реминисценции, по крайней мере, в совокупности. Одна же параллель — в «Станционном смотрителе», по видимому, исключает возможность случайного совпадения. У Бальзака: «J'aperçus une jolie dame assise sur le bras d'un fauteuil, comme si elle eût monté un cheval anglais» (Я заметил красивую даму, сидящую на ручке кресла, словно наездница на английской лошади); у Пушкина: «Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле» (стр. 68).

Б. Томашевский, что нам кажется спорным, исключает возможность случайного совпадения.

Большой интерес представляет работа М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства». Любовь и почитание Гюго русскими читателями были прямо пропорциональны страху и ненависти русского самодержавия к Гюго. В дни похорон Гюго царский посол в Париже в донесении своему начальству возмущается тем, что французский народ объявляет национальным трауром смерть того, кто был «глашатаем самых отвратительных анархистских и безбожных доктрин.. Газеты возвестили, что все послы расписались в книге посетителей, пришедших проститься с покойником. Английский посол там, кажется, действительно был; быть может, были итальянский и испанский. Но германский воздержался, а также, полагаю, и австрийский. Я, разумеется, счел уместным воздержаться. Вследствие царящего в стране беспорядка, здесь все возможно, а потому не удивительно, если будет допущена такая бестактность, как приглашение нас на эти гражданские, т. е. антирелигиозные похороны. Я воздержусь» (стр. 904—905).

Поведение царского посла, а также тон этого донесения были вполне одобрены русским самодержцем: «На подлиннике,— сообщает М. П. Алексеев,— против слов «я воздержусь» рукою Александра III написано: «Конечно» (стр. 905).

Особенно следует отметить любопытную ра-

боту профессора Андре Мазона «Князь Элим», в которой автор рассказывает драматическую историю русского поэта группы «малых романтиков», вынужденного стать дипломатом. Он оказался плохим дипломатом, потому что он был изгоем в среде царских служаек. Но он и не развернулся как поэт, потому что никогда не смог порвать с тем аристократическим миром, которому он принадлежал по рождению.

Том «Литературного наследства», посвященный проблеме «Русская культура и Франция», является значительным вкладом в историю как русской, так и французской литературы.

Из обширного материала объемистого тома с исключительной яркостью выступает тот факт, что творческое сотрудничество гениев двух народов, глубочайшие симпатии французского и русского народов друг к другу всегда и неизменно встречались с противодействием реакционных сил Франции и России.

Это особенно полезно учесть сейчас, когда фашистские агрессоры за пределами Франции и их агенты внутри Франции так усиленно и напрасно пытаются разорвать крепнущую дружбу между советской социалистической демократией и французской демократией, лучшие чаяния которой воплощены в Народном фронте.